

УДК 94(47).084.6(470.21+470.23)

DOI: 10.37482/2687-1505-V299

*ЧУНИН Павел Анатольевич, аспирант кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 3 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1900-9531>

ПОЛИТИКА РАСКУЛАЧИВАНИЯ РЫБОЛОВЕЦКИХ И ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ В МУРМАНСКОМ ОКРУГЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е годы

Территория современной Мурманской области в годы начала коллективизации не была ареной «борьбы за хлеб», ее обошли стороной крестьянские выступления той эпохи. Крестьянство в его традиционном понимании в регионе не существовало в принципе, основу хозяйственной жизни в селах составляли прибрежный промысел рыбы в бассейнах Белого и Баренцева морей и оленеводство. Раскулачивание в Мурманском округе Ленинградской области не ограничилось началом 1930-х годов, как это зачастую описывалось в региональной историографии, представленной большей частью работами, которые были написаны в советский период. При рассмотрении обозначенной проблемы применялись историко-системный и сравнительно-исторический методы. Для восполнения образовавшихся лакун проведен анализ документов органов исполнительной и партийной власти Мурманского округа, которые сохранились преимущественно в фондах Государственного архива Мурманской области, часть из них ранее никогда не вводилась в научный оборот. На их основании было определено наиболее точное количество раскулаченных хозяйств и выявлены особенности процесса раскулачивания в рамках рассматриваемой административно-территориальной единицы. Кроме того, намечено направление для последующего изучения репрессивной политики в период после основных волн раскулачивания до конца 1930-х годов, а также учтены национальные особенности, присущие округу: «иннационализм» населения приграничных районов и наличие малочисленного коренного народа – саамов. Эти факторы оказывали влияние на процесс раскулачивания. Данная статья является одной из первых попыток анализа данной репрессивной политики в Мурманском округе в качестве самостоятельной проблемы. Результаты работы в перспективе могут быть положены в основу комплексного конкретно-исторического исследования по коллективизации в регионе.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, кулацкое хозяйство, Мурманский округ, рыболовецкое хозяйство, оленеводческое хозяйство, «иннациональные» коллективные хозяйства.

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; e-mail: pomor1996@gmail.com

Для цитирования: Чунин П.А. Политика раскулачивания рыболовецких и оленеводческих хозяйств в Мурманском округе Ленинградской области в 1930-е годы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V299

Коллективизация на Мурмане, обладавшая рядом специфических черт, безусловно, являлась периферийным процессом в рамках общегосударственной кампании по «социалистическому преобразованию» деревни. Динамика этого процесса в Мурманском округе Ленинградской области, равно как и его особенности, ранее описывалась весьма кратко, в т. ч. в региональной историографии. Проблема раскулачивания на Кольском Севере преимущественно попадала в поле зрения исследователей в контексте написания локальных краеведческих трудов, но не являлась самостоятельной проблемой. Однако обращение к вопросу коллективизации в данном регионе, в частности анализ раскулачивания оленеводческих и рыболовецких хозяйств стали необходимыми элементами планируемого нами исследования кооперативно-колхозного движения, охватывавшего период конца 1920-х и всего десятилетия 1930-х годов.

Цель статьи – выявить специфику данного процесса, а также определить максимально точное количество раскулаченных хозяйств на территории округа, в сопоставлении с имеющимися статистическими данными по Северному краю и Карельской Автономной Советской Социалистической Республике (АССР) как территориально близким субъектам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в рассматриваемый период. Для достижения указанной цели необходимо проследить основные этапы данной репрессивной политики и более подробно рассмотреть формальную сторону процедуры раскулачивания.

Актуальность исследования определяется возрастающим научным и практическим интересом к хозяйственному опыту освоения арктических территорий в этом регионе и необходимостью анализа влияния модернизационных процессов на традиционное хозяйство Севера. Новизна работы состоит в широком привлечении ранее не опубликованных архивных документов о раскулачивании в Мурманском округе, а также в актуализации и обобщении известных материалов. Результаты

исследования могут быть использованы при написании конкретно-исторических работ о коллективизации в рассматриваемом регионе.

Историография проблемы в советский период претерпевала трансформацию в соответствии с изменением политической оценки высшим партийным руководством на разных этапах истории Союза Советских Социалистических Республик (СССР) [1, с. 50] и идеологическими кампаниями. Классическим образцом сталинской концепции коллективизации стала диссертация В.К. Гудзенко, посвященная созданию коллективных хозяйств «в национальных районах Кольского полуострова». Тезис о классовой борьбе в Мурманском округе в ходе строительства социализма и сопротивлении со стороны троцкистов и бухаринцев, «извращавших политику партии» [2, с. 9], выступал неотъемлемой частью данного подхода. В рамках историографии периода 1960–1970-х годов [3, с. 13] необходимо выделить работу В.П. Пятовского, в которой присутствовали менее идеологически окрашенные, но по сути тезисы об «обострении классовой борьбы» и о «росте сопротивления кулачества» по всему побережью Мурмана [4, с. 13]. Аналогичные оценки встречаются и в труде А.А. Киселева [5, с. 233]. В неисторических публикациях указанного периода [6, с. 5] события, связанные с «ликвидацией кулачества», описывались схожим образом. Общим местом для перечисленных исследований являлось отсутствие анализа самого процесса раскулачивания, сведений о количестве раскулаченных, их социальном составе, механизмах и процедурах репрессивной политики.

В конце XX – начале XXI века в связи с отходом от коммунистической идеологии и начавшейся «архивной революцией» был опубликован целый спектр работ, напрямую или косвенно затрагивающих процесс раскулачивания в Мурманском округе. В центре научного интереса авторов оказался ряд проблем: судьба спецпереселенцев [7], колонистов «иннационалов» [8; 9], политические репрессии на Мурмане [10; 11]. Отдельное внимание уделялось

коренному малочисленному населению региона [12; 13], оленеводческие коллективные хозяйства становились предметом рассмотрения в рамках концепции «совхозистских практик» [14]. Соответственно, особенностью большинства названных работ был явный социально-антропологический характер.

Перечисленные проблемы актуализируют необходимость систематизации и уточнения данных, касающихся непосредственно процесса раскулачивания, в рамках комплексного исследования. Основой работы, ее источниковой базой, стали фонды преимущественно Государственного архива Мурманской области: Ф. П-2 (Мурманский окружной комитет ВКП(б)¹), Ф. Р-162 (Мурманский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и рыбацких депутатов), Ф. Р-296 (Териберский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет), Ф. Р-556 (Саамский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет), Ф. Р-325 (Мурманское окружное управление народнохозяйственного учета Ленинградской области).

В соответствии с методологической «интегративной тенденцией», в трактовке Г.Ф. Доброноженко, при оценке социальной дифференциации советского общества объединены объективистский и структуралистский подходы. Соответственно, сам термин «кулак» рассматривается нами как изначально идеологический конструкт, сформированный в первое десятилетие советской власти [1, с. 47].

Обращаясь к специфическим чертам раскулачивания в Мурманском округе, следует выделить сразу несколько особенностей данного процесса. Во-первых, это территориальный и климатический факторы. Округ обладал значительной площадью (128,5 тыс. км²) со сложным

рельефом, что создавало проблемы, связанные с низким уровнем транспортной инфраструктуры и труднодоступностью. К началу 1930-х годов имела слаборазвитая сеть грунтовых дорог, что значительно осложняло коммуникацию между районами². В некоторые из них представители власти могли попасть лишь в определенное время года с установлением зимнего пути или сообщения по морю.

Во-вторых, хозяйства, подвергавшиеся раскулачиванию, были разных типов: оленеводческие, рыболовецкие и смешанные, именовавшиеся в официальных документах «комбинированными».

В-третьих, национальный состав раскулаченных дифференцировался в зависимости от района проживания субэтноса: кроме непосредственно русского населения – поморов, «борьба с кулаком» коснулась саамов и коми-ижемцев, а также финских и норвежских колонистов.

В политике раскулачивания на территории Мурманского округа можно выделить несколько основных кампаний, которые в целом соотносились с общесоюзными. Первая из них датировалась начальным периодом коллективизации, преимущественно 1930 годом. Мероприятия по раскулачиванию в течение этого года не были массовыми, в т. ч. и потому, что большинство районов не попадали под «сплошную коллективизацию»³. В качестве основной меры применялась национализация имущества [7, с. 79], которое могло как передаваться коллективным хозяйствам, так и выставляться на торги.

В некоторых сельских советах главы кулацких семейств привлекались к уголовной ответственности по решению судебных органов⁴. Однако при условии выполнения «твердых заданий» рыболовецкие хозяйства, признанные кулацкими, привлекались к участию в прибрежном лове. Окружное земельное управле-

¹ Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

² ГАМО (Гос. арх. Мурман. обл.). Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 231. Л. 74.

³ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 165. Л. 6.

⁴ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 49, 52, 54.

ние опиралось здесь на решение союзного органа: «Наркомзем считает, что в Мурманском р-не несплошной коллективизации кулацкие хозяйства в промысле участвовать могут»⁵.

Отдельным вопросом является правовой фундамент действий органов исполнительной и партийной власти в округе при проведении коллективизации. Помимо многочисленных общесоюзных и областных нормативно-правовых актов [15] следует остановиться на местных документах, которыми руководствовался округ в ходе раскулачивания и подготовки к нему. Говоря о мерах экономического давления на хозяйства подобного рода в начальный период коллективизации, следует выделить «Положение о обложении сельхозналогом кулацкой части оленеводческих хозяйств в Мурманском округе»⁶ от 22 июля 1929 года и существенно дополнившее его «Положение о едином сельхозналоге для кулацких хозяйств в Мурманском округе»⁷, опубликованное 23 августа 1930 года, где четко устанавливались критерии отнесения к кулацкому хозяйству с учетом местной специфики, например такой, как оленеводство и наличие промысловой посуды, сдаваемой в аренду. В этот же период, весной 1930 года в телеграмме с пометкой «секретно», предназначавшейся Ленинградскому областному исполнительному комитету, подчеркивалось, что «раскулачивание оленеводческих и рыбацких хозяйств в Мурманском округе... еще не производилось и не предполагается производить впредь до особого разрешения этого вопроса в областном совете и партийных органах»⁸.

Вопрос о количестве в округе лиц, отнесенных к категории «кулаков» к началу коллективизации, следует рассматривать в динамике. Если по данным Приполярной переписи в период с 1926 по 1927 год складывалась

определенная цифра в пределах 150 хозяйств [7, с. 79], то уже к 1930 году Управление народнохозяйственного учета при плановой комиссии Мурманского окружного исполнительного комитета по итогам проведения налоговой компании выявило 72 таких хозяйства, что можно связать с начавшейся коллективизацией и, как следствие, появлением более четких критериев для дифференциации сельского населения [15, с. 31]. К началу 1931 года, по данным Окружного финансового управления, в списках значилось 75 кулацких хозяйств, подлежащих самообложению. В силу малой численности населения округа и его экономической специфики эта цифра была значительно меньше, чем аналогичные данные по Карельской АССР (459 хозяйств) [16, с. 58] и Северному краю (9628 хозяйств) [1, с. 353]. Поэтому в дальнейшем при изучении этой проблемы и сопоставлении статистики будут рассмотрены данные иных заполярных регионов, имевших схожие экономические особенности в сфере занятости сельского населения. Статические данные анализируемого периода оказывались подвержены колебаниям в соответствии с политическими кампаниями, сопровождавшими первый год коллективизации. Так, например, развернувшаяся в округе со второй половины 1930 года борьба с «перегибами» и последовавшая проверка районных исполнительных комитетов (РИКов) различными комиссиями (в т. ч. Рабоче-крестьянской инспекцией) привели к пересмотру установленного количества кулацких хозяйств в меньшую сторону⁹.

Вторая, и основная, волна «наступления на кулака» пришлась на 1931–1932 годы. В этот период основной репрессивной мерой стала высылка, осуществлявшаяся районными «тройками». В работах прошлых лет данные о количестве

⁵ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 313. Л. 148.

⁶ЦГАИПД СПб. (Центр. гос. арх. истор.-полит. док. СПб.). Ф. Р-24. Оп. 1Б. Д. 75. Л. 1.

⁷ГАМО. Ф. Р-325. Оп. 1 Д. 42. Л. 225.

⁸ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 313. Л. 40.

⁹ГАМО. Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 77. Л. 3, 4–11, 24.

раскулаченных хозяйств приводись фрагментарно, по отдельным административным единицам округа [7, с. 82]. Автору статьи удалось установить максимально точное количество таких хозяйств по состоянию на середину 1932 года путем анализа архивных фондов отдельных РИКов и Мурманского окружкома. К примеру, по Кольско-Лопарскому району общее количество раскулаченных хозяйств в историографии ранее не приводилось, изучение дел о «лишенцах»¹⁰ и привлеченных к индивидуальному обложению кулацких хозяйствах¹¹ по району позволило определить это число. Наиболее точной цифрой, которая известна на сегодняшний день, является 60 раскулаченных хозяйств, члены которых были подвергнуты высылке преимущественно в район строящегося г. Хибиногорска и пополнили тем самым число спецпереселенцев. Для сравнения, в Карельской АССР только за 1931 год было раскулачено 243 хозяйства, данная политика носила в этом регионе более массовый характер в силу целого ряда факторов [16, с. 59].

Возвращаясь к вопросу о выверенных статистических данных по Мурманскому округу, можно отчасти согласиться с директивой окрисполкома № 24 с/с, адресованной всем РИКом округа: «Учет кулацких хозяйств поставлен безобразно. Отчетность о ходе кампании отсутствует»¹².

Стоит сказать, что для большинства районов (Териберского, Полярного, Кольско-Лопарского, Понойского) пиком данной кампании стал 1931 год. Это четко прослеживается и по публикациям в главном печатном органе округа –

газете «Полярная правда», где по сравнению с 1930 годом (5 упоминаний) резко увеличивается количество заметок, которые содержат не просто общие идеологические призывы бороться с «кулацкой агитацией», а требования привлекать конкретные семьи к ответственности «вплоть до суда» (12 упоминаний)¹³.

В разгар раскулачивания основным документом, регламентирующим действие местных органов власти, стала совершенно секретная директива № 106 «О раскулачивании и выселении кулацких хозяйств» от 21 февраля 1931 года. Сам механизм и процедуры были типичны и аналогичны мероприятиям, проводившимся в Северном крае [1, с. 307]. Тезис о «неформальном и ответственном подходе к вопросу раскулачивания в округе» представляется нам дискуссионным [7, с. 80]. Учитывая анализ именных списков¹⁴, описей имущества раскулаченных¹⁵, решений собраний групп бедноты¹⁶ по большинству районов, можно говорить о том, что процесс носил именно формальный характер и не отличался мягкостью по сравнению с аналогичными в соседних субъектах РСФСР. Так, попытки РИКов пересмотреть¹⁷ решения «троек» о раскулачивании в ходе данной кампании не смогли оказать влияния на утверждение решения. В том случае, когда решение о высылке не принималось, оно становилось лишь вопросом времени, в особенности для «иннациональных» колхозов приграничья. В вопросе раскулачивания точно так же, как и в общесоюзной практике [1, с. 358], графа об отношении к советской власти и проводимым ею

¹⁰ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 260. Л. 40, 41.

¹¹ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

¹²ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 50. Л. 28.

¹³Газета «Полярная правда» // Электрон. б-ка «Кольский Север». URL: <http://kolanord.ru/index.php/periodika/gazety/609-polyarnaya-pravda> (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁴ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 154.

¹⁵ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 293. Л. 1–76.

¹⁶ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 70.

¹⁷ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 112.

¹⁸ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 154.

мероприятиям¹⁸ существенно влияла на дальнейшее существование хозяйства, включенного в список, и служила одним из критериев для его ликвидации.

В то же время в масштабах государства и в рамках Ленинградской области продолжало усиливаться экономическое давление на кулацкие хозяйства «как одно из наиболее эффективных средств в наступательной политике»¹⁹. Индивидуальное обложение сельскохозяйственным налогом оставалось в ряду весомых инструментов государства. Решения о пересмотре начисления налога как в Мурманском округе, так и в Северном крае [1, с. 365] принимались по поводу хозяйств, отнесенных к перечню кулацких лишь в 1931 году, к ранее раскулаченным никакого пересмотра применять не предполагалось.

С 1933-го и до конца 1930-х годов продолжался завершающий этап раскулачивания в округе, не носивший столь радикального характера. Точные данные о количестве раскулаченных в указанный период предстоит установить, но эта задача осложняется недоступностью ряда фондов, относящихся к действиям органов безопасности и правопорядка. Необходимо подчеркнуть, что количество жителей округа, подвергнутых этой репрессивной мере, не было значительным и складывалось в основном за счет «довыявления» кулацких хозяйств²⁰. Доходность и имущественный признак оставались по-прежнему значимыми критериями при отнесении к кулацкому хозяйству. Однако с 1933 года списки изъятой собственности существенно сокращаются, по сравнению с предшествующей кампанией в них уже не встречаются упоминания о значительном количестве промышленного инвентаря, оленьего снаряжения, наличии швейных машин и «избушек на санях»²¹.

В рамках завершающего этапа раскулачивания к основным правовым документам можно отнести постановление Центрального комитета ВКП(б) от 8 сентября 1932 года «Об отсутствии руководства, контроля и о грубейших извращениях политики партии на Крайнем Севере». Несмотря на то, что содержательная часть в основном касалась исправления «перегибов в советской тундре», от местных органов власти требовалось «давать отпор... кулацким элементам и их агентуре»²². Так, в частности, эта политика нашла отражение в решениях Понойского РИКа, где местными органами власти сельсоветам летом 1933 года было предписано в декадный срок «выявить все кулацкие хозяйства и немедленно выгнать из колхозов»²³.

В указанный период происходит также фактическая ликвидация ряда «иннациональных» колхозов, десяти финских и единственного норвежского, в связи с развернувшимся военным строительством в приграничье и созданием Северного флота [17, с. 21]. Однако по формальным признакам членов подобных коллективных хозяйств было бы некорректно относить к раскулаченным, большинству из них вменялись обвинения политического характера [8, с. 93].

Рассмотрев основные этапы раскулачивания в Мурманском округе и проанализировав количественные показатели, необходимо подчеркнуть, что здесь данная политика по сравнению с традиционными сельскохозяйственными регионами не была столь масштабной. Поэтому, с одной стороны, можно согласиться с тезисом О.В. Миколок о том, что «на Мурмане не было массового раскулачивания» [10, с. 183], с другой – стоит сказать, что, с учетом немногочисленности сельского населения и малого количества сельсоветов (43 единиц)²⁴, практически в

¹⁹ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 462. Л. 51.

²⁰ГАМО. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 77. Л. 115.

²¹ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 638. Л. 6, 9.

²²ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 262. Л. 14.

²³ГАМО. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 77. Л. 103.

²⁴ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–3.

каждом из них было раскулачено хотя бы одно хозяйство. Таким образом, для немногочисленного сельского населения данный процесс имел ощутимые последствия и стал не менее трагическим, чем в крупных аграрных регионах. Наиболее малоизученным остается период с 1933-го по конец 1930-х годов, когда политические репрессии во многом оттеняли ликвидацию последних кулацких хозяйств и «новых» кулаков [1, с. 358]. Необходимо провести работу по установлению максимально точной цифры и социального состава раскулаченных

в указанные годы, а также более подробно рассмотреть экономическую составляющую таких хозяйств.

Установленные данные о количестве раскулаченных и кулацких хозяйств в дальнейшем можно будет использовать в рамках исследования «колхозного строительства» на территории современной Мурманской области в последующие периоды, где в новом юридическом статусе продолжают вести хозяйственную деятельность ряд рыболовецких и оленеводческих колхозов.

Список литературы

1. *Доброноженко Г.Ф.* «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: на материалах Северного края: дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2010. 585 с.
2. *Гудзенко В.К.* Социалистическая коллективизация сельского хозяйства в национальных районах Кольского полуострова: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 473 с.
3. *Кедров Н.Г.* Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения // Вестн. Вологод. гос. ун-та. Сер.: Гуманит., обществ., пед. науки. 2017. № 1(4). С. 12–16.
4. *Пятовский В.П.* Коллективизация рыболовецких хозяйств Кольского полуострова. Мурманск: Кн. изд-во, 1965. 32 с.
5. *Киселев А.А.* Родное Заполярье: очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.) / под ред. Ю.Н. Климова. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 511 с.
6. *Федотов В.С.* Оленеводческий колхоз «Тундра»: [Ловозерский район]. Мурманск: Газ. «Поляр. правда», 1955. 42 с.
7. *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы в истории Мурманской области: моногр. Мурманск: Максимум, 2004. 317, [1] с.
8. *Йентофт М.* Оставшиеся без родины: История кольских норвежцев / под науч. ред. А.А. Киселева. Мурманск: Реклам. полиграфия, 2002. 238 с.
9. *Бусырева Е.В.* Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Тр. Кольск. науч. центра РАН. 2015. № 1(27). С. 59–75.
10. *Миколук О.В.* Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2003. 231 с.
11. *Степаненко А.* Расстрелянная семья: (Исторические очерки о кольских саамах). Мурманск, 2002. 283 с.
12. Книга Памяти: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области / сост. С.Н. Дацинский, В.В. Воронин, В.А. Нечушкин. Мурманск: Изд.-типогр. предприятие «Север», 1997. 412 с.
13. *Аллеманн Л.* Саамы Кольского полуострова. О жизни этнического меньшинства в Советском Союзе: новые перспективы через биографическое интервью // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 5: История: реф. журн. 2012. № 3. С. 198–203.
14. *Konstantinov Yu.* Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula. Uppsala: Uppsala Universitet, 2015. 417 p.
15. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.) / сост.: В.А. Селезнев, А.Я. Старикова; под ред. Н.А. Ивницкого. Л.: [б. и.], 1970. 424 с.
16. *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 гг.). Петрозаводск, 1997. 131 с.
17. *Семенов Д.Г.* Военное строительство на Кольском Севере в 1933–1941 годах: социальный аспект // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 6. С. 19–22.

References

1. Dobronozhenko G.F. "Kulaki" v sotsial'noy politike gosudarstva v kontse 1920-kh – pervoy polovine 1930-kh gg.: na materialakh Severnogo kraya [The Kulaks in the Country's Social Policy in the Late 1920s – First Half of the 1930s: Based on the Materials of the Northern Territory: Diss.]. Arkhangel'sk, 2010. 585 p.
2. Gudzenko V.K. *Sotsialisticheskaya kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v natsional'nykh rayonakh Kol'skogo poluostrova* [Socialist Collectivization of Agriculture in the National Districts of the Kola Peninsula: Diss.]. Leningrad, 1954. 473 p.
3. Kedrov N.G. Rossiyskaya istoriografiya kollektivizatsii krest'yanstva: problemy izucheniya [The Russian Historiography on the Peasantry Collectivisation: Problems of Studying]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, 2017, no. 1, pp. 12–16.
4. Pyatovskiy V.P. *Kollektivizatsiya rybolovetskikh khozyaystv Kol'skogo poluostrova* [Collectivization of Fisheries on the Kola Peninsula]. Murmansk, 1965. 32 p.
5. Kiselev A.A. *Rodnoe Zapolyar'ye: ocherki istorii Murmanskoy oblasti (1917–1972 gg.)* [The Beloved Arctic: Essays on the History of the Murmansk Region (1917–1972)]. Murmansk, 1974. 511 p.
6. Fedotov V.S. *Olenevodcheskiy kolkhoz "Tundra": Lovozerskiy rayon* [Reindeer Collective Farm "Tundra": Lovozero District]. Murmansk, 1955. 42 p.
7. Shashkov V.Ya. *Spetspereselentsy v istorii Murmanskoy oblasti* [Forced Settlers in the History of the Murmansk Region]. Murmansk, 2004. 317 p.
8. Jentoft M. *De som dro østover: Kola-nordmennenes historie*. Gyldendal, 2001. 270 p. (Russ. ed.: Yentoft M. *Ostavshiesya bez rodiny: Istoriya kol'skikh norvezhtsev*. Murmansk, 2002. 238 p.).
9. Busyreva E.V. Sud'by semei finskikh kolonistov Murmanskoy oblasti [Destinies of Families of the Finnish Colonists of the Murmansk Region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2015, no. 1, pp. 59–75.
10. Mikolyuk O.V. *Politicheskie repressii na Murmane v 30-e gody XX veka* [Political Repressions on the Murman in the 1930s: Diss.]. Murmansk, 2003. 231 p.
11. Stepanenko A. *Rasstrelyannaya sem'ya: (istoricheskie ocherki o kol'skikh saamakh)* [The Executed Family: (Historical Essays on the Kola Sami)]. Murmansk, 2002. 283 p.
12. Dashchinskiy S.N., Voronin V.V., Nechushkin V.A. (comps.). *Kniga Pamyati: Poimennyy spisok repressirovannykh zhiteley Kol'skogo poluostrova, a takzhe inostrannykh grazhdan, prozhivavshikh v Murmanskoy oblasti* [Memorial Book: Name List of Repressed Residents of the Kola Peninsula as well as Foreign Citizens That Lived in the Murmansk Region]. Murmansk, 1997. 412 p.
13. Allemann L. Saamy Kol'skogo poluostrova. O zhizni etnicheskogo men'shinstva v Sovetskom Soyuze: novye perspektivy cherez biograficheskoe interv'yū [The Sami of the Kola Peninsula: On the Life of an Ethnic Minority in the Soviet Union: New Perspectives Through Oral Testimonies]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya: referativnyy zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 198–203.
14. Konstantinov Yu. *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala, 2015. 417 p.
15. Seleznev V.A., Starikova A.Ya. (comps.). *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v Severo-Zapadnom rayone (1927–1937 gg.)* [Collectivization of Agriculture in the Northwestern District (1927–1937)]. Leningrad, 1970. 424 p.
16. Nikitina O.A. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie v Karelii (1929–1932 gg.)* [Collectivization and Dekulakization in Karelia (1929–1932)]. Petrozavodsk, 1997. 131 p.
17. Semenov D.G. Voennoe stroitel'stvo na Kol'skom Severe v 1933–1941 godakh: sotsial'nyy aspekt [Military Building on the Kola Peninsula in 1933–1941: The Social Aspect]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2012, no. 6, pp. 19–22.

DOI: 10.37482/2687-1505-V299

Pavel A. Chunin

Saint Petersburg State University;
Universitetskaya nab. 7-9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1900-9531> e-mail: pomor1996@gmail.com

DEKULAKIZATION OF FISHERIES AND REINDEER FARMS IN THE MURMANSK AREA OF THE LENINGRAD REGION IN THE 1930s

The territory of the modern Murmansk Region was spared from the “struggle for bread” and peasant risings in the early years of collectivization. It should be noted that no such class as peasantry in the traditional sense actually existed in the region, the economic life of the villages being based on coastal fishing in the basins of the White and Barents Seas as well as reindeer husbandry. Dispossession of kulaks (dekulakization) in the Murmansk Area of the Leningrad Region was not limited to the early 1930s, as it was often described in regional historiography, mostly written during the Soviet period. In the course of this research, the comparative historical and historical-systematic methods were used. In order to fill in the gaps, the author analysed documents of the executive and party authorities of the Murmansk Area, mainly kept in the State Archives of the Murmansk Region, some of them being introduced into scientific discourse for the first time. Based on the materials, the most accurate number of dispossessed farms was determined and the characteristic features of dekulakization in the region under study were identified. Moreover, the paper outlines an area of further research into the repressive policy in the period after the main waves of dekulakization up to the late 1930s. In addition, the national context of the area is considered: nonnationals living in the border regions and the presence of an indigenous small-numbered people, the Sami. These factors influenced the course of dekulakization. Noteworthy, this paper is one of the first attempts to analyse the repressive policy in the Murmansk Area as a separate problem. The results of the research can serve as the basis for a comprehensive historical study on collectivization in the region.

Keywords: *collectivization, dekulakization, kulak farm, Murmansk Area, fishery, reindeer farm, nonnational collective farms.*

Поступила 20.06.2023
Принята 28.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 20 June 2023
Accepted 28 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Chunin P.A. Dekulakization of Fisheries and Reindeer Farms in the Murmansk Area of the Leningrad Region in the 1930s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V299